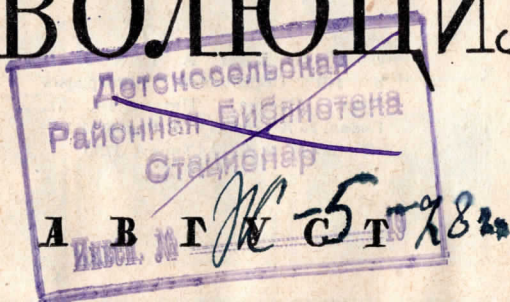

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

И С Т П А Р Т

ОТДЕЛ ЦК ВКП (б) ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ
ОКТАБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ВКП (б)

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

11-й ГОД ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

8/(79)

Дом Плеханов

№ 92-1118/48

БИБЛ ОТЕЧ
ЛЕНИНГРАДСКИЙ ФИЛ
Музея В. И. ЛЕНИНА
№ 1711

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА

1 9 2 8

ЛЕНИНГРАД

ПЛЕХАНОВ И ГРУППА БЛАГОЕВА ¹⁾

Благоев в своих воспоминаниях говорит, что его группа, познакомившись с ¹⁾только что появившейся в Петербурге брошюрой Плеханова «Социализм и политика» (под таким названием подразумевается, очевидно, брошюра «Социализм и политическая борьба»), решила войти в сношение с группой «Освобождение труда» и послать ей в Женеву свою программу. Это, однако, ошибка памяти Благоева. Брошюра эта вышла за год до момента, когда русские социал-демократы ²⁾ собрались обратиться к группе и, несомненно, что она уже давно была известна если не всем членам петербургской группы, то, по крайней мере, части их, в том числе Латышеву. Не эта брошюра, а именно программа группы «Освобождение труда» и близость воззрений последней с их собственными обратила внимание русских социал-демократов на эту группу, заставила войти в сношения с женеvской группой и сообщить ей программу. Все это ясно из письма Латышева ³⁾.

Сначала у русских социал-демократов не было самостоятельных связей с женеvской группой; они переписывались с ней через организатора рабочей группы «Народной воли» Емельянову, которая отсылала письма их в Париж в редакцию «Вестника народной воли» ⁴⁾. Но вскоре непосредственные связи установились, чему, повидимому, способствовал Инфантьев ⁵⁾, отправив-

¹⁾ Помещаю интересную статью Н. Сергиевского, представляющую главу из подготавливаемой к печати Истпартом ЦК ВКП (б) работы Н. Сергиевского «Партия русских социал-демократов (группа Благоева)», расходящаяся по ряду вопросов с общепризнанной оценкой роли и деятельности группы «Освобождение труда» и «группы Благоева», редакция приглашает товарищей, работающих по периоду зарождения социал-демократии в России, высказаться по вопросам, затронутым т. Н. Сергиевским. — *Ред.*

²⁾ Члены «группы Благоева» называли себя русскими социал-демократами; так я и буду называть их в дальнейшем.

³⁾ «Былое», 1918 г., № 13, стр. 48—52.

⁴⁾ «Историко-революционный сборник», т. II, стр. 99.

⁵⁾ Инфантьев не член группы, но близкий ей человек по средней школе и ученик П. А. Голубева.

шийся как раз в это время в Швейцарию и проживавший там именно по тому адресу, по какому петербургская группа посылала свои письма. Тогда началась оживленная переписка между группами. Благоев был уже арестован, и во время его ареста пришло лишь первое письмо из Женевы. Но Харитонов говорит, что письма из Женевы были так многочисленны, что глаз наметался и сразу различал по почерку, кто пишет: Плеханов, Засулич или кто другой ¹⁾.

Переписка касалась и теоретических и практических вопросов. Последние касались транспорта и статей для «Рабочего». Из теоретических же известно письмо, очевидно Латышева (ибо только он мог состязаться по этому вопросу с Плехановым), о брошюре Плеханова «Наши разногласия». Повидимому, Латышев возражал Плеханову, ссылаясь на новейшие исследования об общине, ибо «Специалист», под какой кличкой писал Гринфест, в письме от 27 марта (8/IV) 1885 г. просил выслать перечисленные в письме Латышева книги ²⁾.

Раз речь зашла об этом письме, я должен на нем остановиться для изложения некоторых существенных для дела соображений, что вынуждает меня прервать нить рассказа. Читатель ниже узнает, что социал-демократы не особенно верили в возможность договориться с группой «Освобождение труда»; теперь же он узнает, что Латышев отправил возражения на «Наши разногласия», в результате чего Плеханов потребовал высылки ему новых материалов об общине, которые и были высланы Харитоновым в адрес Инфантьева. Это является первым столкновением между двумя группами, первой черной кошкой, пробежавшей между ними. Плеханов ошетинился и потребовал доказательств. Это наводит меня на мысль, что возражения были достаточно веские и что русские социал-демократы, даже ознакомившись с «Нашими разногласиями», вовсе не предполагали падать ниц перед женевской группой. Почему же воспоминатели не говорят об этом возражении? Да они говорят, но у них перепутались факты. И говорят об этом письме два воспоминателя: Харитонов и Хлопин ³⁾. Харитонов говорит, что Латышев взялся написать работу по истории, которую с успехом и выполнил. Но почему, для какой надобности понадобилась эта работа — Харитонов молчит. Нет,

¹⁾ См. его воспоминания в настоящем номере «Пролетарской революции».

²⁾ «Историко-революционный сборник», т. II, стр. 187—188.

³⁾ Г. В. Хлопин, «Из воспоминаний студента 80-х гг.», юбилейный сборник Военно-медицинской академии, Ленинград, 1927, стр. 117—141.

он даже не молчит, но он вновь путает с другой рукописью по истории, изготовленной Латышевым. Хлопин рассказывает, что Харитонов принес ему большую рукопись, которую он передал на заключение В. И. Семевского, очень одобрявшего эту работу; впоследствии она, по словам Хлопина, была переслана группе «Освобождение труда». Из примечания Харитонova вытекает, что Семевскому представлялась на заключение программа партии, как ему напомнил будто бы Хлопин. Последний определенно помнит, что рукопись, одобренная Семевским, была отослана за границу, но не помнит, какого содержания была эта рукопись. А так как Харитонов определенно помнит, что программа партии была послана за границу, а о другой рукописи, отосланной за границу, он ничего не помнит, то он и заключает, что одобренная Семевским рукопись была программа. Ясно, что Харитонов в примечании не передает дословно то, что было сказано Хлопиным, а делает свой вывод из слов последнего. Да и зачем же было носить на заключение Семевского программу? Какое заключение, какое одобрение мог дать историк Семевский по программе революционной партии? Что мог сказать Семевский о философской части программы: о марксизме, лавризме или лассальянстве? Естественно, что он такое предложение отклонил бы, сославшись на свою некомпетентность. Ясно, что ему, историку, носили именно ту рукопись Латышева по истории, о написании которой помнит Харитонов, но не помнит, почему и для чего поручалось Латышеву написать эту работу. Ясно, далее, что эта рукопись и есть то письмо, о котором говорит Гринфест, встревожившее так Плеханова. Из этого следует вывод, что русские социал-демократы, ознакомившись с «Нашими разногласиями», не согласились с Плехановым по крестьянскому вопросу и предложили Латышеву написать возражение. Крестьянский вопрос и есть тот вопрос, который поссорил с самого начала переговоров обе группы. Благоев же не имел об этом никакого представления, ибо он был уже за границей.

Второе теоретическое письмо было письмо Плеханова с критикой программы и с советом пока воздержаться от публикации ее. У петербургской группы было доброе желание сговориться с Женевской группой, а потому они отказались от повторения публикации программы в том виде, в каком она была напечатана в первом номере «Рабочего». Но отказались они, повидимому, лишь временно, лишь до окончательного соглашения о программе, ибо набор этой программы не распускали и продолжали хранить на случай, если переговоры окажутся безрезультатными. Набор

этот был захвачен при аресте типографии ¹⁾. Хранился он в нераспущенном виде больше года. Стало быть и в этот начальный период сношений с группой «Освобождение труда» у русских социал-демократов были сомнения, удастся ли им сговориться с нею о программе. Тем не менее они все же поручили Благоеву войти в переговоры с группой «Освобождение труда» относительно выработки совместной программы.

Письмо с такими заданиями и деньгами на поездку в Женеву Благоев получил в Болгарии, куда он был выслан в марте. Благоев не мог поехать в Женеву, а потому между ним и Плехановым началась переписка, которая и закончилась выработкой программы, написанной Плехановым в июле или августе 1885 г. Из захваченного при аресте Н. П. Андреева в октябре 1886 г. письма его к Плеханову ²⁾ видно, что на социал-демократов особенно сильное впечатление произвела брошюра Плеханова «Наши разногласия», с которой социал-демократы познакомились в марте 1885 г., когда она появилась в Петербурге. Правда, что Латышев послал Плеханову возражения, но возражения эти касались только крестьянства и общины, с постановкой вопроса о чем Плехановым социал-демократы не соглашались.

Напротив, их привлекали в «Наших разногласиях» возражения Плеханова старым народникам о нежизненности русского капитализма и выдвинутом В. В. (Воронцовым) положении о рынках. Это как раз тот вопрос, который заставил русских социал-демократов, склонных к марксизму и теоретически признающих марксизм, тем не менее ввести в свою схему лассальянство, практически признать не научный, а государственный социализм, так как якобы специфическое международно-экономическое положение России не представляет почвы для осуществления социализма по марксовой схеме; для дальнейшего развития капитализма нет внешних рынков, а внутренний ограничен. Следовательно, социализм возможен только тогда, когда государство поможет его осуществлению. Это делало миросозерцание русских социал-демократов внутренне противоречивым, что, очевидно, их смущало. Выдвинутая Плехановым в «Наших разногласиях» теория внутреннего рынка оказалась якорем спасения. Вот почему в отношениях к группе «Освобождение труда» произошёл перелом, которого в действиях петербургской группы до ознакомления с «Нашими разногласиями» не замечается. Поэтому-то у социал-

¹⁾ Дело Департамента полиции, 3 делопр., № 91, 1893 г., лист 12.

²⁾ Там же, № 467, 1893 г., лист 10.

демократов и созрела мысль предложить женеvской группе разработать согласительную для обеих групп программу, а интересы петербургской группы доверено представлять Благоеву. Появление в Петербурге «Наших разногласий», ознакомление с ними социал-демократов, критика этой брошюры Латышевым и доверенность Благоеву — все это приурочивается к одной дате — марту 1885 г. По ходу дела упомянутое теоретическое письмо Плеханову должно было притти именно в этот момент.

Но пока Благоев вел переписку с Плехановым относительно программы, группа «Освобождение труда», по предложению петербургской группы, пожелала выступить со своими статьями в «Рабочем». Латышев писал в своем письме, что они обращаются к группе, «за представителями которой имеется более значительная литературная подготовка».

Так оно, конечно, и оказалось на самом деле. Статьи Плеханова и Аксельрода по своим литературным достоинствам являются гвоздем не только второго номера «Рабочего», в котором эти статьи напечатаны, но и всей газеты.

На газету социал-демократы смотрели как на подсобный материал для пропаганды в кружках. Это — не политический орган партии, отзывающийся на все вопросы минуты, разъясняющий своим читателям события с точки зрения партии и организующий мнение своей аудитории, это — лишь пропагандистский листок, разъясняющий неорганизованному и неумудренному партийным опытом слушателю элементы партийной программы. Так, по крайней мере, смотрел на газету Благоев, по свидетельству Харитоновна. Но и на самом деле в обоих номерах «Рабочего» из шести статей, принадлежащих перу русских социал-демократов, только две отзываются на современные темы, остальные четыре представляют собой лишь расширенные фрагменты из программы.

Первая статья «Чего недостает рабочему народу», принадлежащая Благоеву, трактует о государстве настоящего и о том, каким оно должно быть, а также о необходимости рабочему знания, чтобы разобраться как перестроить государство; вторая статья — тоже Благоева — «Чего добиваться рабочему народу» сначала повторяет в новых словах сказанное в предшествующей статье о государстве, а затем переходит к комментарию резолютивной части программы; третья статья «Рабочий народ и правительство», принадлежащая перу Латышева, разъясняет те части программы, которые говорят о наступлении буржуазной эры в России, о политике классового правительства и об условиях (их теория нищеты), подготовляющих низвержение его; наконец,

во втором номере статья тоже Латышева «Знание и критика», разъясняющая взаимодействие между критической способностью и суммой приобретенных знаний, говорит об условиях, вырабатывающих убежденных партийцев. И все четыре статьи представляют собою мало удовлетворительный материал даже для тех целей, которые они себе ставили в этом пропагандистском листке. Я уже говорил о том, что Благовое смешивал аргументацию по различным частям программы¹⁾. Но, кроме того, и в вопросе о государстве, знании и пр. нет должной отчетливости, цельности изложения, выпуклости; некоторые места, если их взять в отдельности, не согласуются с программой, в некоторых местах туманность изложения так велика, что долго не доберешься до основного смысла, как, например, в статье «Знание и критика». Простая мысль ее изложена Шатько в его «Уставе кассы»²⁾ в двух словах. Кстати, об этом уставе. Полагают, что эта вещь написана под влиянием знакомства с произведениями Плеханова. Нет оснований для такого вывода. Текст устава представляет собой от начала до конца лишь экстракт того, что русские социал-демократы сами писали в своем «Рабочем». Что касается остальных двух статей — Герасимова «По поводу фабричных волнений» и Харитонова «Внутреннее обозрение», — то они оставляют более выгодное впечатление. Но в общем можно сказать, что местные авторы «Рабочего» оказались далеко не на высоте положения и, надо думать, именно потому, что у них не было достаточно «литературной опытности».

По сравнению с ними статьи Плеханова и Аксельрода — шедевр искусства. Аксельрод, собственно, дал внешнее обозрение в номере. Он излагает борьбу германской социал-демократии, ее задачи и тактику в борьбе за голоса в парламенте и результаты последних выборов. Статья эта, так сказать, информационная и как таковая была безразлична в номере. Совсем другое значение имеет статья Плеханова. Она отвечает на вопрос, что делать.

Начинает Плеханов оговоркой, что хотя социал-демократия — партия рабочих, но она не должна отталкивать людей из других классов. Эта оговорка Плеханову понадобилась только для того, чтобы наравне с рабочими поставить интеллигенцию³⁾. В про-

¹⁾ Аргументацию, относящуюся по смыслу к некоторым положениям программы-минимум, приурочивает к родственным положениям в программе-максимум.

²⁾ Невский В., «Очерки по истории российской коммунистической партии»; т. I., 1925 г., стр. 644—645.

³⁾ «Пролетарская революция», 1928, № 1(72), стр. 96—101.

грамме своей от 1884 г. интеллигенции он отводил самостоятельную роль, восполняющую отсутствие у нас революционной буржуазии. Террором она должна была пробить путь к демократизации строя. Но, столкнувшись с воззрениями своих петербургских товарищей, которые за интеллигенцией не признавали самостоятельности, он вынужден был уступить, и дал формулировку их воззрений в следующей выпуклой и ясной фразе: «Интеллигенция должна идти с рабочими, а наше крестьянство должно идти за ними». Правда, что эта формулировка была несколько вольная — умалялась роль крестьянства и увеличивалось значение интеллигенции, но в общем она все-таки была терпима, ибо русские социал-демократы и не отрицали участия интеллигенции, а крестьянство — они считали — идет под руководством пролетариата. Тем не менее уже такой своей формулировкой Плеханов сделал первый шаг к отступлению от одного из основных пунктов своей программы 1884 г. об интеллигенции. Далее идут рассуждения о важности для достижения лучших условий общей сознательности пролетариата и организованности его руководителей в борьбе за экономическое улучшение и политическое раскрепощение, причем особо подчеркивается значение скорейших завоеваний в области правовой.

До сих пор Плеханов говорит лишь то, что думали сами русские социал-демократы, но все это написано уже опытной рукой литератора. А дальше, когда речь дошла до тактики, он решительно разошелся с социал-демократами, призвав немедленно начать атаку власти. Он пишет: «Разумная тактика всякой партии требует, чтобы ее нападения на врагов совершались именно в моменты наиболее благоприятные», и задает вопрос: «Своевременно ли было бы для вас добиваться получения прав в настоящее именно время?» Поставив этот вопрос, он отвечает на него утвердительно и мотивирует свой вывод тем, что буржуазия, возмущенная реакционно-дворянской, нарушающей интересы буржуазии и крайне убыточной для нее, политикой Александра III, этого реставратора старых дворянских прав и преимуществ, уже сейчас стремится ограничить царскую власть; а фатально банкротящееся вследствие своей безумной политики правительство в конце концов вынуждено будет обратиться к обществу. Последнее взамен оказанного правительству содействия против банкротства потребует ограничения безответственной теперь монархии. Следовательно буржуазия уже сейчас заинтересована в ограничении монархии, в изменении абсолютистского строя на конституционно-правовой, она уже и сейчас созрела для восприятия власти. Но одной ее заинте-

ресованности пока недостаточно для реализации в данный момент ее чаяний; в данный момент ей еще нужна помощь, нужна сила революционно-боевая, которая дала бы последний толчок назревшему ходу событий. А таковой силой, за отсутствием, как Плеханов уже неоднократно доказывал раньше, революционной буржуазной демократии, является только пролетариат.

Пролетариат, стало быть, заменяет в ходе революции отсутствующую революционную демократию, становится на ее место. Поэтому, считая момент благоприятным, Плеханов призывает организации пролетариата данного момента — рабочие кружки — начать немедленно борьбу, т. е. бунтовать рабочий класс. А какой результат получится от такого движения пролетариата, — он говорит в конце статьи, констатируя, что революция эта будет чисто буржуазная, и может дать только буржуазный эффект. «Конечно, — говорит он, — нельзя ожидать серьезных реформ от Собрания (Законодательное собрание, на какое вынуждено будет под давлением пролетариата пойти правительство. — Н. С.), в котором большинство будет состоять из представителей высших классов». Чтобы не оставалось никаких сомнений, он поясняет, что если рабочие будут «сидеть сложа руки» в этот благоприятный момент и не взбунтуются, то они останутся при прежнем положении; а если они своим штурмом будут способствовать переходу власти к буржуазии, то, очевидно, благодарная буржуазия кое-что даст и на их долю. Раз власть окажется в руках буржуазии, то только от нее зависит, сколько уступок дать пролетариату. Поэтому его оговорка, что рабочий должен повести атаку против власти и «на свой собственный страх и для достижения своих собственных целей», так как «в политике нет благодарности», и что при своей сплоченности он сумеет отстоять «свои права и не даром затратит свои силы», не имеет никакого реального значения. Это лишь красивые слова, одна лишь приманка, может быть и бессознательная.

И в самом деле, ведь эта сплоченность, эта борьба якобы «для достижения своих собственных целей» уже привела к определенному и ничего общего с целями пролетариата не имеющему результату — к появлению нового самодержавия, — «самодержавия буржуазии». Завладев властью, буржуазия, правда, обеспечивает ряд общедемократических свобод, которые, конечно, имеют огромное значение для укрепления сил пролетариата, организующегося, спланивающегося в борьбе за следующую ступень развития человеческого общества — за социализм, но осуществляет

буржуазия эти свободы в своих классовых интересах, в интересах буржуазной демократии, в интересах всестороннего развития буржуазного начала. Поэтому те уступки, о которых говорит Плеханов, по существу вовсе не являются уступками, и приурочиваются буржуазией не к интересам самого пролетариата. Одним словом, уступки эти, которыми Плеханов манит пролетариат, суть фикция, видимость. Когда пролетариат ставит вопрос не о фикциях, а о реальных уступках, тогда начинают палить буржуазные винтовки и пушки. Так вот эта «сплоченность» и борьба «для достижения своих собственных целей» нужны пролетариату вовсе не тогда, когда происходит смена абсолютического строя на буржуазно-конституционный, а когда пролетариат ставит вопрос о свержении уже «самодержавия буржуазии».

Но, может быть, Плеханов так и мыслил, что буржуазная революция перерождается в революцию социалистическую, по примеру того, как мыслили себе авторы «Манифеста коммунистической партии» в отношении предстоящей революции в Германии? ¹⁾ Ведь утверждают же некоторые апологеты Плеханова, что он именно так и мыслил, представляя себе ход революции по образцу Великой французской революции. К такому выводу, конечно с известной натяжкой, можно было бы притти на основании следующего абзаца, за теми абзацами, которые трактуют о буржуазности предстоящей революции в брошюре «Социализм и политическая борьба» ²⁾. Этот абзац излагается по «Манифесту». Однако прямой и точный смысл предшествующих абзацев говорит об отграниченности буржуазной революции, между которой и социальной революцией следует более или менее продолжительный срок; а это противоречит «Манифесту».

Так оно и оказалось, когда Плеханов написал «комментарий к проекту программы», каким является его статья в «Рабочем» — «Современные задачи русских рабочих». Здесь он ни словом не обмолвился об автоматическом переходе буржуазной революции в социальную. Напротив, продолжая свою мысль о тех подачках, которые якобы получит пролетариат, он делает предположение, что даже и таких подачек не будет. Но даже и это, утешает он, окажется выгодным для пролетариата, ибо это возбудит неудовольствие народа, привлечет в ряды партии массы, разрушит

¹⁾ «Манифест коммунистической партии», 8, 7 и 6 абзацы с конца. У меня под руками имеется лишь мало распространенное издание Петербургского совета 1918 г., а потому ссыла на страницу несколько не облегчила бы читателю отыскать соответствующие абзацы. — Н. С.

²⁾ Г. В. Плеханов, Собр. соч., т. II, стр. 86—87.

иллюзий их о возможности бескровного переворота, убедит массы, что без захвата пролетариатом государственной власти нельзя добиться полного освобождения труда. Как видит читатель, Плеханов не только не помышлял, что русская «буржуазная революция может быть лишь непосредственным прологом пролетарской революции»¹⁾, но совершенно определенно допускал полное вероломство буржуазии в отношении своего союзника и утешал последнего лишь тем, что в следующий раз народ будет умнее и сумеет обеспечить за собой плоды своих побед.

В сущности, стало быть, он повторяет здесь лишь только более откровенно ту же мысль, которую он высказал и в первой своей брошюре «Социализм и политическая борьба»²⁾. В период написания «Наших разногласий» он настаивал на необходимости террористической борьбы, которую должна взять на себя «социалистическая интеллигенция», ибо несправедливо³⁾ всю тяжесть восстания возложить на плечи пролетариата. Теперь он снова возвращается к старой мысли, высказанной в брошюре «Социализм и политическая борьба»; однако на этот раз он уже не ограничивается одним теоретизированием, а определенно призывает пролетариат к немедленному штурму власти.

Стало быть Плеханов на протяжении трехлетия (1883—1885 гг.) трижды изменил свою точку зрения на вопрос о том, что является преобладающим фактором в предстоящей революции. В «Социализме» выдвинут на первый план рабочий класс; социалистическая же интеллигенция осталась в тени. Наивный Аксельрод, поверивший в твердость мнения Плеханова, тогда «разделал под орех» «социалистическую интеллигенцию» в своем известном письме «Товарищи»⁴⁾. Но вот в следующем году (1884) Плеханов пишет «Программу» и «Наши разногласия», в которых рабочему классу отводится в предстоящей буржуазной революции уже подчиненная роль — лишь подпереть «социалистическую интеллигенцию» в ее террористическом штурме абсолютизма. Письмо «Товарищи» оказалось невпопад, о нем пришлось замолчать, в написании его не признаваться вплоть до 1924 г., когда оно было мною опубликовано. Наконец, в следующем (1885) году, когда Плеханову стало известно о появлении в России рабочей организации (петербургская «группа Благоева»), он снова пере-

¹⁾ Слова «Манифеста коммунистической партии».

²⁾ Г. В. Плеханов, Собр. соч., т. II, стр. 86—87.

³⁾ Там же, стр. 349—350.

⁴⁾ «Историко-революционный сборник», т. II, 1924, Гиз, Ленинград, стр. 172—181.

двинул назад «социалистическую интеллигенцию» и, наоборот, снова выдвинул на первый план рабочий класс.

Итак, в этой своей статье («Современные задачи русских рабочих»), написанной после ознакомления с воззрениями русских социал-демократов, он уже отказался от некоторых положений программы 1884 г. и наметил основные черты будущего проекта программы, низложил «социалистическую интеллигенцию», имевшую по программе 1884 г. очень ответственную задачу террором добыть свободы, возвел в высший ранг пролетариат — в единственно действующую в предстоящей революции боевую силу. Сила эта под предводительством организовавшихся в партию рабочих революционных кружков должна немедленно начать штурм самодержавного строя. А плодами побед, как вытекает из его рассуждений, воспользоваться может только буржуазия.

Русские социал-демократы сознавали себя партией пролетарской; курс держали на социалистическую революцию; подготовительный период демократических преобразований строили так, чтобы он дал лучший эффект для конечного переворота и ни в коем случае не согласились бы начать штурм власти с сомнительным исходом для интересов народа. Поэтому такие призывы Плеханова радикальнейшим образом расходились с миросозерцанием русских социал-демократов. И потому, хотя они эту статью и напечатали в своем «Рабочем», однако, когда дело дошло до утверждения программы Плеханова, составленной в соответствии с этими его призывами, они утвердить ее отказались.

Проект программы, по словам Благоева, был составлен в июле — августе 1885 г. и, после некоторых объяснений Благоева с Плехановым по поводу того или иного пункта проекта и поправки, Благоевым был переслан в Петербург группе русских социал-демократов. Когда он попал в Петербург — неизвестно, но до 12 мая 1886 г., когда о нем заговорил Софринский, Харитонов, арестованный уже в январе 1886 г., не имеет о нем никакого представления; Кугушев ¹⁾ тоже обходит его молчанием. Назван он «Проектом программы русских социал-демократов», т. е. по имени петербургской группы, а не по имени женеvской, хотя он был согласительной программой, предназначавшейся и для женеvской группы. Проект этот имеет много внешнего сходства с прежней программой группы «Освобождение труда» 1884 г. Так, например, в резолютивную часть введен лишь один новый пункт о даровом обучении, который играл такую большую роль в воз-

¹⁾ Его письмо напечатано в воспоминаниях Харитонова.

зрениях русских социал-демократов. Но зато внутреннее содержание его оказалось значительно больше координированным с марксизмом. И эти изменения были введены именно под влиянием воззрений русских социал-демократов. Так, в нем оказался устраненным пункт о «социалистической интеллигенции» и ее решающей роли в революции; такой решающей силой остался один лишь пролетариат, а вследствие этого был выкинут и ненужный теперь пункт о террористической борьбе. Впрочем, русские социал-демократы считали, что террор не только не вреден, но даже полезен перед восстанием, и в этом смысле пункт этот был оставлен Плехановым в его проекте ¹⁾. В соответствии с воззрениями русских социал-демократов был введен и пункт о диктатуре пролетариата.

Но Плеханов решительно не согласился с русскими социал-демократами по вопросу о роли крестьянства в революции. Русские социал-демократы включали в движущие силы революции наравне с пролетариатом также и крестьянство, поскольку последнее подпадало под власть капитала в торгово-производственном обороте и как производитель товарных сельскохозяйственных ценностей и как участник всевозможных отхожих и местных промыслов, не связанных непосредственно с основной его сельскохозяйственной деятельностью. Степень обеспеченности крестьянства в основном его сельскохозяйственном промысле определяет высоту заработной платы и другие условия труда самого пролетариата. Поэтому русские социал-демократы считали необходимым и обязательным союз рабочих и крестьян для совместной борьбы с эксплуатацией; поэтому они считали одинаково заинтересованными в социалистическом перевороте и рабочих и крестьян, само собой разумеется, за исключением той части крестьянства, которая уже переступила за баррикаду, разделяющую классы, и превратилась в буржуа, уже не страдающих собственно от эксплуатации ²⁾.

Плеханов же, занимавший с первого взгляда неясную позицию в отношении крестьянства в своей «Программе» 1884 г., наоборот, совершенно ясно определился в своем «Проекте программы». Здесь он в мотивировочной части ее развился настоя-

¹⁾ Более подробно в моей статье, «Пролетарская революция», 1928 г., № 1 (72), стр. 85—102.

²⁾ Все сказанное выше вытекает не непосредственно из одних только документов русских социал-демократов, но и из сопоставления с документами новых народников (народников 80-х гг.), с которыми русские социал-демократы идейно были неразрывно связаны.

щей филиппикой против крестьянства. Крестьянство — это «опора абсолютизма», идеал общинника лежит... «в условиях хозяйства, необходимым политическим дополнением которых есть царское самодержавие». Крестьянство не только не союзник, но даже и не попутчик рабочему классу в его революции; оно — кровный враг революции. Напрашивается вывод, что оно может быть зачислено в актив революции только тогда, когда оно «выварится в фабричном котле» — по выражению Зиберера.

По сути дела такой взгляд на крестьянство вытекал уже из комментария к «Программе» 1884 г., т. е. из «Наших разногласий», и, если в «Программе» он не был изложен, то только потому, что не было повода об этом здесь говорить. Но когда Плеханов столкнулся с взглядами русских социал-демократов, он счел необходимым мотивировать резолютивную часть своей аграрной программы «Проекта», которую он оставил в доказательство, что он так и раньше думал, в том же виде, как она была записана в самой «Программе» 1884 г. В этой его аграрной программе единственным конкретным требованием является лишь пункт о праве выхода из общины. Что же касается остальной части этой программы, то она отредактирована так обще, что под такой «алгебраической величиной», — как любил выражаться сам Плеханов, — можно было что угодно подставить. Если полюбопытствовать по журналам 70-х и начала 80-х годов кто же выдвигал такое требование о праве выхода из общины, то станет совершенно ясно, как следует расшифровать эту «алгебраическую величину». Требование это выдвигалось либеральной буржуазией, для которой община стала ненавистным институтом, тормозящим развитие русского капитализма. (Кстати, это же самое повторяли потом и марксисты буржуазного толка 90-х годов.)

Но, может быть, скажут, что под этой «алгебраической величиной» с большим правом следует понимать ту национализацию земли, о которой Плеханов упоминает еще в «Социализме и политической борьбе». Апологеты Плеханова не упускают случая сослаться на эту национализацию, о которой сам Плеханов лишь в «Социализме» заикнулся, но потом о ней совершенно замолчал, забыл вплоть до последнего письма о голоде в 1892 г. Но апологеты благоразумно обходят молчанием тот факт, что этот длинный промежуток времени Плеханов заполнил совершенно определенным «мужикоедством» в «Наших разногласиях», «Программе» 1884 г., «Проекте программы», «Симплициссимусе» и пр., вычеркнув, таким образом, из своей программы данного периода даже всякое воспоминание об этой злополучной национализации. Од-

нако напрасно ставят ему в заслугу и это «голодное» письмо. Оно оказалось лишь ложной диверсией, вынужденной обстоятельствами дела. После того как Плеханов убедился (1893 г.), что крестьянство «начинает расшатывать здание абсолютизма»¹⁾, он, обращаясь к крестьянству, не находил ничего лучшего и более вразумительного, как рекомендовать «мужику» «стать на точку зрения пролетариата». Так как эти слова знаменитого «Манифеста» Маркса, сказанные последним по адресу западной буржуазии средней и мелкой и предупреждающие ее о неизбежности гибели под давлением крупного капитала, приобретали в устах Плеханова, поскольку он обращался с ними к крестьянству, значение роли в своем роде «алгебраического выражения», то расшифровывается оно, по аналогии с тем, что сказал Маркс, только в том смысле, какой заключается в уже ранее упомянутых словах Зибера.

Одним словом, точка зрения Плеханова в крестьянском вопросе была такова, что крестьянство только тогда может оказаться полезным для революции, когда оно перестанет быть крестьянством. Ссылаются еще на абзац о пропаганде в деревне. Но после всего сказанного он имеет такое же значение, как и недостающий в программе абзац о пропаганде среди биржевиков. Он звучит лицемерием.

Благоев, работавший только среди петербургских рабочих и недооценивавший значения крестьянства по своему незнанию с провинцией и с провинциальными группами, незнакомый с теми возражениями, которые направила Плеханову петербургская группа, может быть и возражал Плеханову, но все-таки уступил. Вследствие этого и система мер, направленная в Петербургской программе против безработицы в деревне, оказалась устраненной из программы, как была устранена и самая роль крестьянства в революции.

Точно так же Плеханов извратил значение и роль партии в революции. Русские социал-демократы считали, что творящей силой является сам народ и не только в период, когда будет поставлен вопрос о коренном переустройстве общества, но и в период подготовительный. Хотя они и держали курс на социалистическую революцию, но они вовсе не считали народ достаточно подготовленным пока к такому переустройству. Поэтому они и выдвинули подготовительный период для проведения постепенного демократического переустройства, которое подготовит народ

¹⁾ Г. В. Плеханов, Собр. соч., т. IX, стр. 27.

к дальнейшей ступени коренного преобразования. И вот в этот подготовительный период народ сам начинает участвовать в повседневной борьбе за постепенное демократическое переустройство, повышает в этой борьбе свою сознательность, учится бороться, объединяется, спланивается. Роль же партии во всех ее разветвлениях, вплоть до местных революционных кружков, сводится к руководству начинающего борьбу народа, направлению его борьбы по наиболее «продуктивному пути» и «регуляции» возникающих народных движений.

Русские социал-демократы были организаторами и пропагандистами, приурочивающими свой план, всю свою работу к конечным целям движения. План Латышева (теория переворота, обусловливаемая непомерным ростом нищеты и недовольства)¹⁾, основан также вовсе не на агитации, а на случае, если сам выведенный из терпения народ восстанет, и заканчивается он захватом власти опять-таки самим народом. Плеханов же смотрит на дело совсем не так; он считает, что достаточно одной готовности самой организации, которая должна быть лишь в меру многочисленна, чтобы охватить возможно большую массу народа своей агитацией. А сам народ, — на какой бы ступени сознательности и готовности он ни был, безразлично, — можно поднять против власти агитацией — было бы только достаточно самих агитаторов, — взбунтовать и повести против Зимнего дворца; одним словом, функция народа в революции — быть лишь тараном в руках партии против власти. Поэтому он взамен пропагандистской тактики русских социал-демократов, приурочиваемой действительно к конечным целям движения, выдвигает тактику агитации, как вполне достаточную для его целей. Если организация достаточно многочисленна и крепка, если местные группы ее крепко спаяны с нею, если организация обладает единством воли, то нечего больше ждать, нужно немедленно поднимать народ, раз в рядах властвующих классов происходит спор из-за власти. Одним словом, вся схема Плеханова приурочивается лишь к одной ближайшей цели, — к свержению самодержавия. Народ — таран, партия аппарат, приводящий в действие этот таран, а руководящая сила, действительно движущая сила, — чей-то интерес, направляющий это орудие к свержению самодержавия.

Само собою разумеется, что такой проект программы Плеханова, названный им программой русских социал-демократов,

¹⁾ Сравните «Рабочий» — газета партии русских социал-демократов, «Прибой», 1928 г., стр. 11 и 12, 43 и 44.

ничего общего, за исключением академической части, с *credo* русских социал-демократов не имел. И хотя они по чьей-то оплошности напечатали комментарий к этому проекту, тем не менее, когда дело дошло до утверждения его, они, конечно, оставаясь русскими социал-демократами, не могли его утвердить. Разбирали они его долго — чуть ли не целые полгода, а может быть и дольше — и в конце концов пришли к выводу, что без поправок они принять его не могут. Так, по крайней мере, писал Плеханову Н. П. Андреев в письме, которое было захвачено полицией ¹⁾. Нам документально неизвестны поправки, однако вся дальнейшая деятельность русских социал-демократов осталась прежней, и лишь только Маркс приобрел у них неизмеримо большее значение, чем раньше. А из этого следует, что все основные элементы *credo* русских социал-демократов остались прежние, как то: союз с крестьянством, роль самих масс, а не партии, установка на пролетарскую революцию, тактика лавриетского пропагандизма и, по всей вероятности, лассальянство, хотя, может быть, в укороченном виде, ибо оно у них и до этого не было чистым. Так и кончилась ничем попытка соглашения с группой «Освобождение труда».

Но в упомянутом письме Андреева речь идет не только о том, что без поправок программа не может быть принята; в нем говорится, что «группы народовольцев постепенно примыкают к присланной адресатом программе» — так излагает эту часть письма прокурор. Что же это за странный случай? Андреев, сообщая Плеханову мнение социал-демократов о его программе, в то же время считает нужным сообщить также и мнение народовольцев о ней. Это вовсе не простое желание поделиться впечатлениями с Плехановым. Это ответ на вопрос, который был задан через Благоева Плехановым. Составляя свою программу, он имел в виду и народовольцев. И Плеханов вовсе не был прав, когда задавал этот вопрос. Именно народовольцы с большим сочувствием отнеслись к его программе, чем сами социал-демократы. Сами социал-демократы программу исправляют, а вот народовольческие группы примыкают к ней. Стало быть народовольцы-кружковцы почувствовали свою близость к Плеханову, свое кровное родство с ним. Это крайне знаменательно! Народники не соглашались, а часть народовольцев стала соглашаться. Что за причина? Да очень ясная. Тень Желябова они, наконец, разглядели в новом Плеханове. «Шила в мешке не утаишь», сколько его ни прячь

¹⁾ Дело Департамента полиции, 3 делопр., № 467, 1893 г., стр. 16.

в какую угодно марксистскую фразеологию. И это «шило» поессорило на полтора десятка лет русских социал-демократов с Плехановым и вообще с группой «Освобождение труда» и привлекло к нему внимание народолюбцев, конечно, не всех, а лишь тех, кто стал приемником воззрений Желябова. Воззрения последнего в этот период получили преобладание в народолюбчестве, а утопическое народолюбчество сходило на-нет.

Недаром же Плеханов начал проповедь своего нового мирозерцания с заявления: «Жизнь требует внимательного пересмотра всего нашего умственного багажа при нашем вступлении на новую почву, и я смотрю на свою брошюру как на посильный вклад в это дело критики, давно уже начавшейся в нашей революционной литературе (все это пока относится к «Вперед» и «впередцам». — Н. С.). Читатель не забыл еще, вероятно, биографии А. И. Желябова, заключающей в себе строгую и часто весьма верную критическую оценку программы и деятельности кружка «Земля и воля». Очень может быть, что мои критические попытки окажутся менее удачными»¹⁾. «Тень» Желябова витала над головой Плеханова с «первых дней творения» группы «Освобождение труда».

Всякому, кто хоть мало-мальски следил за развитием взглядов группы «Освобождение труда», известно, что в течение восьмидесятих годов у группы создалось прочное убеждение в неизбежности союза пролетариата с буржуазией. При этом чем ближе приближались девяностые годы, тем крепче становилось это убеждение. Само собой разумеется, что это не могло не коробить любого искреннего социалиста. И когда разразился голод 1891 г., Плеханов прямо кинул призыв к объединению русских революционеров с буржуазией. Терпению русских социал-демократов, да и не только их, но и вообще революционеров, пришел конец. Этот призыв вызвал поголовное возмущение против Плеханова. За этим последовали три письма Плеханова о голоде, в которых он не только отказался от прежних своих призывов к союзу с буржуазией и выдвинул впервые вместо прямого союза лишь поддержку буржуазного революционного и оппозиционного движения, но и сделал поворот на девяносто градусов в крестьянском вопросе, заимствовав — так как собственной аграрной программы у него не было — некоторые требования из программы русских социал-демократов. Лишь с этого момента, лишь с девяностых

¹⁾ Г. В. Плеханов, Собр. соч., т. II, стр. 28. Предисловие от 25/X 1883 г. к статье «Социализм и политическая борьба».

годов, начинается, хотя и не без некоторых рецидивов, отступление по всему фронту от союза с буржуазией. Впрочем Плеханов все-таки предоставил Аксельроду вести арьергардные бои за буржуазию. Этот поворот является второй и уже более значительной победой русских социал-демократов над группой «Освобождение труда». Первой победой было изменение программы, значительно приблизившейся к марксизму. Оставался еще один спорный пункт — крестьянский вопрос. Но этот пункт был ликвидирован только на II съезде партии.

Плеханов отлично знал, что туземные социал-демократы обвиняют его в народовольчестве не потому, что в своей программе он оставил хвостик террора, заимствованный у русских социал-демократов, а именно потому, что он проповедывал революцию по Желябову. И тогда, когда уже все споры были кончены, когда от прежней программы его остались «рожки да ножки», он в декабре 1903 г. пишет: «Миросозерцание группы «Освобождение труда» было слишком сложно для того, чтобы оно могло быть усвоено большинством тогдашних социал-демократов; оно казалось им странным, сомнительным и очень близким к миросозерцанию народовольцев, с которыми у них происходили почти ежедневные стычки»¹⁾. Говорит он в данном случае об экономистах, но метит именно в пропагандистов конца 80-х и первой половины 90-х годов, ибо к моменту появления собственно экономистов в новых писаниях Плеханова от марксизированного Желябова осталась нестоящая внимания часть, да и самих народовольцев уже не было. А вот марксистам конца 80-х и начала 90-х годов писания Плеханова и его программы много хлопот доставили в борьбе с народовольцами. Последние ссылались обыкновенно на Плеханова и, главным образом, не на террор, а на его призыв к штурму власти. Отсюда и пошла легенда о том, что марксисты будто бы отрицали политическую борьбу. Не политическую борьбу марксисты отрицали, а борьбу по рецепту Плеханова — Желябова, как кружок «впередовцев» отвергал борьбу по рецепту того же Желябова.

Заканчивает Плеханов только что цитированную тираду следующим восхитительным замечанием: «Об этом теперь нельзя говорить без улыбки». Ну, еще бы! Оставалось только мило улыбаться. От террористических абзацев «Наших разногласий» он в примечании 1903 г. отвертелся, ссылаясь на существовавший тогда террористический психоз интеллигенции, как будто такое

¹⁾ Г. В. Плеханов, Собр. соч., т. XIII, стр. 19.

объяснение хоть сколько-нибудь является извинением. От террористической своей программы 1884 г., где уже нельзя было вывертываться, как в «Разногласиях», отмолчался, а когда ему бросали обвинение, что он лишь только буржуазный радикал, а вовсе даже не социалист, он, мило улыбаясь, отвечал: его никто не понимает, он, видите ли, слишком сложен для простых смертных.

Кто же прав? Те ли, кто утверждает, что русская социал-демократия вышла из группы «Освобождение труда», или те, кто, наоборот, утверждает, что группа «с боями подходила» к складывавшейся еще с 70-х годов туземной социал-демократии? А, следовательно, кто «Иваны-Непомнящие»?

Н. Сергиевский

СОДЕРЖАНИЕ

К 25-ЛЕТИЮ II СЪЕЗДА ПАРТИИ

Стр.

✓	Д. Кардашев. К истории развития организационных идей В. И. Ленина	3
3 ✓	И. Волковичер. Журнал «Заря» в свете взаимоотношений В. И. Ленина и Г. В. Плеханова	32
2 ✓	Л. Леонов-Виленский. На II съезде РСДРП	42
✓	Из переписки «Искры» с «Южным рабочим». (Подготовлено к печати Ц. Бобровской)	50
✓	Новый документ о II съезде РСДРП (с предисловием и примечаниями Д. К.)	64

СТАТЬИ

✓	П. Алексеенков. Национальная политика Временного правительства в Туркестане в 1917 г.	104
2 ✓	Н. Сергиевский. Плеханов и группа Благоева	133

ВОСПОМИНАНИЯ

2 ✓	В. Харитонов. Из воспоминаний участника группы Благоева	152
-----	---	-----

МАТЕРИАЛЫ

✓	Рабочая революция в Финляндии в 1918 г. (Тезисы ЦК КПФ с предисловием Ю. Сиролы)	167
---	--	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Рецензии:	Ф. Самойлов. Владимирская окружная организация РСДРП (Материалы к истории социал-демократической большевистской работы во Владимирской губернии) 1892—1914 гг. Вып. III. М. Корбут, М. Сагидуллин. Татарские трудящиеся на путях великого Октября. А. Кучкин. П. Федоров. Под красной звездой. В. Каюров. Популярны брошюры в издании Тагокружка Красный десант под ред. К. В. Губарева и Д. И. Боброва; Казнь крестьянки Ефросиньи Голда под ред. К. В. Губарева. Р. Хабас. Народовольцы после 1 марта 1881 г. Ее же. В. Левицкий (В. О. Цедербаум) Партия «Народная воля». Предисловие П. Лепешинского. 196
По журналам.	А. Панкратова. «Историк-марксист» № 6—1927 г. и № 7—1928 г. И. Кольчевский. «Красный архив», тт. XXV и XXVI 206
Новые книги: 216
Вокруг истпартовской работы	218
Письма в редакцию	228